

В первом бою

Николай Бережной лежал на соломенной подстилке рядом с командиром первого орудия. Впервые за много дней он познал чувство удовлетворенности, какое обычно приходит к человеку, достигшему после долгих мытарств цели. Прошедший день был полон забот и впечатлений, и теперь Николай, пользуясь покоем и тишиной, мысленно осваивал свое новое положение.

Теплая майская ночь стояла над селом. В неподвижном воздухе растекались густые запахи цветущих вишнен, молодой березовой листвы, а временами в этот душистый аромат весны вкрадывались горькие запахи пожарищ. Усыпанное звездами темно-синее небо было высоко, спокойно и торжественно.

Во дворе в походной готовности стояли две противотанковые пушки, а между ними на плащ-палатках и шинелях лежали солдаты. Лошади, попарно привязанные к передкам, спокойно жевали сено, изредка отряхиваясь и позвякивая удилиами. Утомленные дневными хлопотами люди спали. Только силуэт часового смутно маячил у ворот на фоне звездного неба.

Минувшей ночью Николай Бережной прибыл в третий батальон, а утром принял взвод «сорокапяток». Вечером комбат вызвал командиров и приказал всем подразделениям находиться в боевой готовности. Дивизия стояла в резерве, но в любую минуту могла быть брошена в бой.

С каждым днем Николай все явственнее ощущал медленное, но неуклонное приближение к тому роковому часу, с которого начнется и его схватка с врагом. Энергичный и смелый, он с нетерпением ждал первого боя. Каков будет этот бой, как сложатся обстоятельства? — было загадочно,

но молодой командир ощущал в себе достаточно сил и верил в мощь боевого оружия. Фантазия, забегая вперед, рисовала яркие картины горячих боев и самоотверженных подвигов. Но здоровый трезвый ум понимал разницу между юношескими мечтами и суровой действительностью.

В последнее время Николай реже стал думать о себе. Он был командиром, и на нем лежала ответственность за жизнь людей, за боевую технику. Чувство этой ответственности было несколько ново, незнакомо.

По природе своей он не был замкнутым: воспитанный в коллективе, он никогда не переживал наедине ни радостей, ни горестей. И теперь, как никогда раньше, ему захотелось по-дружески, сердечно поговорить с близким человеком.

Но кругом все спали. Слегка похрапывал командир первого орудия сержант Погребняк, раскинув руки, скороговоркой бормотал невнятные слова ездовой Голиборода. На одной шинели лежали наводчики Митяев и Еронин. Это были опытные солдаты, они уже давно пережили полные неясной тревоги ночи перед первым боем.

Один ездовой первого орудия хлопотал еще возле своей пары. Он хозяйственно подбирал раскиданное лошадьми сено и вполголоса добродушно ворчал.

Николай встал, скрутил цыгарку и подошел к солдату.

— Что, все кормите? — спросил он.

— Ничего не поделаешь: Пуля у меня очень уж неспокойная: разбрасает свое сено и тянется к Быстрому: он и не наедается. Приходится вставать и кормить.

— Надо, конечно... А скажите, вы давно на фронте?

— С самого начала. Как немец подошел к Днепру, так меня и мобилизовали. Так что с сорок первого...

Николай видел, что ездовой непрочно был поговорить со своим новым командиром.

— А страшно было в первом бою? — спросил Николай, с любопытством всматриваясь в малознакомое лицо солдата.

— Как вам сказать? — не сразу ответил ездовой. — Оно, известно, спервоначалу не очень весело, но, знаете, на войне, как и на работе: задание или там приказ надо выполнить. В первом бою, помню, мне командир говорит: «Бери, Гарпенко, пулемет и айда на левый фланг — не дай нем-

цам обойти». Я и побёг. Отбивался до ночи, а немцев не пустил... Было страшно, да еще как...

Николаю понравился этот пожилой бывалый солдат, его простодушная непосредственность, добросовестное отношение к своим солдатским обязанностям. После короткого молчания он снова спросил:

- Гарпенко, а где ваш прежний командир взвода?
- Лейтенант Кузьмин? Он погиб под Николаевкой...

Гарпенко замолчал, глядя вдоль пустынной улицы, где край неба над селом вспыхивал мутным отсветом зарниц. В ночной тишине доносились глухие залпы артиллерийской батареи. Эхо далекого боя то нарастало, то вновь замирало.

— Лейтенант Кузьмин был хороший командир, — продолжал Гарпенко. — Смелый был. Воевать умел и нас приспособил... А вот погиб нелепо...

- Как же это?

— Наступал наш батальон на Николаевку. Хорошее было село — на бугре, посреди чистого поля. Мы поддерживали пехоту, а пехота залегла и не поднимется: счет немец пулеметами, нет никакого тебе продвижения. Вот лейтенант и говорит Погребняку: «Ты смотри тут, а я пойду к кургану, понаблюдаю, откуда это он стреляет». А пули так и визжат в воздухе. Мы говорим: «Пригнитесь, товарищ лейтенант», — а он не слушает и идет во весь рост. Гордый был, не хотел на виду у нас пулям кланяться. Ну, смотрим — схватился за грудь, упал. Мы с Семеном Ерохиным — он тогда еще вторым номером был — бросились к нему, да поздно: уже мертвый.

Солдат умолк, протяжно вздохнув, и погодя прибавил:

— Конечно, как говорится — на людях и смерть красна, но все же эта смерть никудышная.

Разговор свелся к теме о смерти, чего не любил Николай. В свои двадцать лет он редко думал о ней, и хотя знал о ее зловещем касательстве к его солдатской судьбе, почему-то считал, что воевать ему придется долго. Гибель его предшественника неприятно подействовала на Николая, и он с горечью думал, что вот такая смерть не оставила даже хорошего воспоминания в сердцах его солдат.

«Смерть тоже должна быть красивой, как и жизнь, как и борьба», — заключил про себя Николай.

Огненные отблески на горизонте стали шире, гул артиллерии усилился. Где-то слева заухала дальnobойная батарея, и весенняя ночь встревожилась и насторожилась...

Так и не пришлось тогда уснуть командиру взвода Николаю Бережному. Прибежал связной от командира батальона и, торопясь, передал приказание стягиваться в батальонную колонну на западном выезде из села.

Сонное прежде село огласилось шумом поднятых подразделений, окриками командиров. По улице метались связные, телефонисты сматывали связь, съезжались обозники.

Когда взвод Бережного выехал на западную окраину, батальон был уже в сборе. Поднятые по тревоге солдаты собирались наспех и теперь, стоя в строю, перевязывали скатки, поправляли обмотки, терпеливо ожидая команды, привычные ко всему.

Было очевидно, что полк направляется на передовую. Николай хотел подробнее знать обстановку и ближайшую задачу. Но с младшими офицерами он еще не успел познакомиться, а спросить у командира батальона не посмел, стыдясь обнаружить свое преждевременное любопытство.

Скоро колонна тронулась. Николай увидел, как в ночном сумраке закачались передние ряды, и подал команду своему взводу. Он шел впереди первого орудия и, привычно чувствуя мерное движение людской массы, сам сливался с нею. Чувство этого слияния вселяло что-то крылатое и сильное, что наполняло душу радостным волнением и заслоняло загадочную неизвестность завтрашнего дня.

По колонне передали:

— Командир взвода ПТО — к комбату!

Придерживая полевую сумку, Николай побежал в голову колонны.

«Что-нибудь важное, — мелькнула мысль. — Наверное, приказ». Догнал комбата, хотел доложить, как требовалось по уставу, но тот перебил, деловито сказав:

— Возможен встречный бой. Так что смотри, будь наготове. Когда батальон развернется, следуй за восьмой ротой. Комроты уже знает. Он тебе поставит задачу. Понял?

— Так точно.

— Боеприпасов достаточно? Бронебойные держи под руками: могут понадобиться... Ну все.

Николай откозырял и пошел навстречу своему взводу.

— Ну, хлопцы, повоюем, — сказал он, обращаясь к артиллеристам.

— Что ж, за этим идем! — просто ответил замковый Андреенко.

— Скорее бы, а то пока до фронта дойдешь — сапоги сносишь, — пошутил широколицый ефрейтор Юсуфов.

Хорошее настроение солдат приятно подействовало на командира. Он слегка волновался, но твердая решимость держаться смело совсем утвердила в нем. Ощущая необычайный взлет энергии, он сам себе казался сильным и решительным.

Батальон выделился из полковой колонны и свернул на узкую проселочную дорогу. Ряды солдат перестроились по три, повозки застучали по ухабам. Артиллерийская стрельба оставалась левее, затихала. Небо на востоке посветлело, принимая зеленовато-мутный оттенок. Звездный ковш Большой Медведицы перекосился. Близилось утро.

Николай вглядывался в светлеющую даль и думал...

— Пусть пойдут танки... Пусть пойдут, — безмолвно твердил он. — Я подпушу их на 400 метров и расстреляю в упор. Корректировать огонь второго орудия буду сам, а Погребняк и так справится: он парень смышленый.

И перед глазами явственно предстали горящие металлические громадины с черно-белыми крестами.

Батальон расчленился. Ездовые съехали с укатанной дороги, и колеса мягко зашуршили по мокрой от росы кустистой озими. Восьмая рота, за которой следовал взвод Бережного, перевалила через покатый холм и, развернувшись в цепь, начала спускаться в лощину. Командир роты приказал Бережному занять огневую позицию на гребне холма, окопаться и прибыть к нему за получением боевой задачи.

«Где же немцы?» — недоумевал Николай. Ему казалось, что рота приняла боевой порядок раньше времени, не сблизившись с противником. Он опасался, что пехота слишком удалится от орудий и ему не удастся наладить огневую связь с ней. Но Николай подчинился приказу пехотного командира и сам расставил орудия.

Светало. В своей утренней мгле выплывали неясные формы незнакомой сильно пересеченной местности. Справа тянулся редкий перелесок, у подножья холма, сквозь белесый туман испарений, поблескивала речушка. Увидев ее, Николай понял, почему командир роты оставил его пушки на гребне этого холма.

В мягком грунте расчеты быстро открыли укрытия, закатили пушки, укрепили сошники. Николай оставил за себя Погребняка и, позвав Юсуфова, пошел искать командира восьмой роты.

По полусгнившему бревну они перешли речку и поднялись на взгорок. Николай шел быстро, и низкорослый Юсуфов то и дело отставал, вприпрыжку нагоняя потом своего командира.

За взгорком Николай ожидал увидеть залегшую цепь, но она, вероятно, ушла дальше, за перелесок. Он сильно смущился за опасный разрыв с пехотой и почти бегом пустился по лощине.

Что произошло в последующие мгновенья, он не увидел, не услышал, а скорее почувствовал. Подчиняясь бездумному инстинкту самосохранения, он упал. И только тогда, лежа на комковатой пашне, глянул вправо, в дальний конец лощины, где из опушки молодого ельника выползали два желтовато- пятнистых танка. В ту же секунду несколько пуль короткими упругими ударами прошли почву возле него, взбив крохотные облачка пыли. Николай, не пригибая головы, недоумевая смотрел вправо, пока не услышал за собой слабый стон. Он напомнил ему о связном, и Николай повернул голову.

Юсуфов лежал ничком в шаге от его ног. Руки его были неестественно подвернуты, а голова воткнулась теменем в мягкую вспаханную почву. Николай понял все, когда увидел мокрое красноватое пятно на остриженной голове своего солдата.

Танки беспорядочно стреляли из пулеметов и на полном ходу двигались вперед по полевой дороге. Только теперь Николай заметил эту дорогу, пролегавшую в шагах пятнадцати перед ним.

Они приближались. Николай уже слышал сквозь сердитый рокот моторов металлический лязг гусениц, видел

прерывистые вспышки пулеметных очередей. С неотразимой отчетливостью он осознал необходимость действия. Но, кроме пистолета, у него ничего не было. Он повернул голову, ища глазами автомат убитого, и увидел в оттопыренном кармане его брюк рукоятку противотанковой гранаты. Быстрым движением он выхватил ее и в то же время что-то сильно стегнуло по правому предплечью. «Ранен!..» Смешанное чувство глубокой обиды и отчаянной ярости охватило все существо офицера. Танки близились, а правая рука Николая мертвое лежала на земле; из набрякшего рукава гимнастерки стекала и впитывалась в рыхлую землю густая застывающая кровь.

В эти несколько мгновений он оценил и постиг всё: танки пройти не должны, а левой рукой тяжелую гранату далеко не кинешь...

Где-то в глубине души мелькнуло, еле коснувшись сознания, горькое чувство досады за короткую жизнь и такой неудачный преждевременный конец. Вспомнилась смерть лейтенанта Кузьмина и пословица, сказанная ночью езловым Гарпенко...

Нет, не ради славы... В этой узкой лощине никого не было. Один мертвый Юсуфов будет свидетелем его гибели, и никто не расскажет солдатам о его подвиге.

Неистово урча, танки неслись по полевой дорожке, готовые вот-вот проскочить мимо. Николай зубами вырвал чеку, поднялся на локоть и вскочил навстречу...

Огромная стальная машина столкнулась с человеком, желтое пламя оглушило его страшной болью, и все кануло в вечность.

...Из-за перелеска в чистое небо брызнули первые золотистые лучи восходящего солнца. Справа и слева разгоралась стрельба, батальоны вступали в бой.

[1949 г.]